

— Похоже, Сяо Цинъюй и впрямь души не чает в этом волчонке, — усмехнулся Чжун Цай.

— Просто ему не терпится поскорее поиграть вместе, — добавил У Шаоцянь.

Это было вполне естественно. Сяо Цинъюй не отходил от малыша много дней подряд, а в первое время и вовсе забросил охоту. Лишь убедившись, что Тысячелетнее духовное молоко творит чудеса, он вернулся к своим «обязанностям», но теперь уже не пропадал с рассвета до заката, а спешил домой засветло, чтобы проверить, как там «брат».

И вот теперь, дождавшись рождения волчонка, птенец поспешил выразить свой восторг и радушие. Беда была лишь в том, что Сяо Цинъюй в порыве радости совсем позабыл: волки — существа земные, и высоты они поначалу боятся. Им нужно время и несколько попыток, чтобы привыкнуть к небу. Для волчонка этот полет оказался слишком внезапным.

Друзья переглянулись и одновременно поманили птенца к себе.

— Опусти его на землю! — прикрикнул Чжун Цай. — Ты же его до смерти напугал!

Заметив, что в тьякканье волчонка и впрямь сквозит паника, Сяо Цинъюй послушно спланировал вниз, бережно держа ношу в клюве. Чжун Цай раскрыл ладони, и птенец аккуратно переложил серебристый комочек в его руки.

Алхимик тут же прижал малыша к себе, ласково поглаживая крохотную мордочку. Ощувив незримую связь с хозяином, волчонок принялся тыкаться носом в его пальцы и даже разок лизнул их. Затем он смешно принюхался и, признав в У Шаоцяне своего, приветственно тьякнул в его сторону.

Птенец, хлопая крыльями, сделал несколько кругов над ними. У Шаоцянь, видя его нетерпение, подставил ладонь, и Сяо Цинъюй тут же приземлился на неё. Когда Шаоцянь поднёс его поближе к волчонку, птенец виновато зачирикал.

Малыш, хоть и перенёс потрясение, быстро успокоился. Теперь, когда его приласкали, он понял, что эта большая птица вовсе не враг, а старый знакомый, который каждый день проводил рядом с ним много времени. Волчонок забавно склонил голову набок и тихонько вякнул. Сяо Цинъюй в ответ радостно защебетал и принялся клювом чистить серебристую шёрстку «брата». Тот вскоре совсем размяк и, зажмурившись от удовольствия, отдался во власть парикмахера.

Когда чистка была закончена, птенец нетерпеливо притопнул, желая прыгнуть к Чжун Цаю.

Тот соединил ладони, и У Шаоцянь бережно пересадил кроху. Серебряный и лазурный комочки тут же прижались друг к другу, обмениваясь лаской. Вдоволь нажавшись, Сяо Цинъюй, как и в день находки, попытался расправить крылышки, и волчонок мгновенно юркнул под них, прячась в пуху.

Наблюдая за ними, Чжун Цай и У Шаоцянь почувствовали, как в душах разливается странное тепло, а взгляды их невольно смягчились. Вскоре волчонок, утомлённый первым днём жизни, крепко заснул. Птенец, поддавшись общей дремоте, тоже опустил голову.

Чжун Цай на цыпочках подошёл к кровати и осторожно переложил спящую парочку на подушку. В комнате всё было пропитано запахами хозяев, поэтому волчонок даже не проснулся, а Сяо Цинъюй лишь на миг приоткрыл глаза и снова провалился в сон, прикрывая «брата» крылом.

Выйдя из комнаты и прикрыв дверь, друзья не удержались от смеха.

— Тысячелетнее духовное молоко и впрямь творит чудеса, — заметил У Шаоцянь. — Малыш выглядит на редкость крепким, будто и не было той беды с плодом.

— Будем и дальше выкармливать их молоком, — решил Чжун Цай. — Оставшихся запасов хватит на обоих, пусть набираются сил. А через месяц-другой переведём волка на мясо, иначе неженкой вырастет, и весь его боевой потенциал прахом пойдёт.

Шаоцянь кивнул. Они оба видели, как отчаянно волчонок цеплялся за жизнь, находясь ещё в зародыше. Раз он смог пережить пространственный разлом с повреждённой оболочкой, значит, дух его силён, и баловать его сверх меры не стоит — закалка воину необходима.

— Представь только, — хохотнул Цай, — Сяо Цинъюй так за него печётся, что через месяц, когда сам окончательно окрепнет, наверняка потащит его в горы учить охоте.

— Это сэкономит нам кучу времени, — закончил мысль друга Шаоцянь.

Нельзя было не признать: такие уникальные существа обладали невероятной врождённой интуицией и древней памятью предков. Хозяевам нужно было лишь обеспечивать их качественным питанием, а дальше звери сами раскроют свои таланты, становясь сильнее с каждым днём.

Чжун Цай потянулся, лениво разминая плечи:

— Так, а теперь мне нужно приготовить какой-нибудь травяной сок.

У Шаоцянь понимающе улыбнулся:

— Решил перекрасить нашего серебряного красавца?

— Придётся, — вздохнул Цай. — Он слишком приметный. Шерсть сияет, ни единого пятнышка — любой дурак поймёт, что зверь непростой. Поможешь выбрать цвет?

— Видов волков великое множество, — рассуждал Шаоцянь. — Чистокровных тоже хватает, и пока они не используют свои уникальные способности, отличить их друг от друга почти невозможно. Серебристых среди них немало... — Он невольно усмехнулся. — Просто наш выглядит слишком уж холёным.

Чжун Цай обиженно воззрился на него. Можно подумать, он один его выкармливал! Чего он так лыбится? Шаоцянь, подавив смех, посерьёзnel.

— Звери очень дорожат своей шкурой и без крайней нужды не позволяют ничего с ней делать... На всякий случай давай выберем лазурный цвет. Сяо Цинъюй любит проводить время с волчонком, и тот к нему привязан. Если они будут одного цвета, им будет проще принять друг друга. К тому же лазурных зверей в лесах пруд пруди. Раз уж Сяо Цинъюй похож на зеленокрылого руха, пусть и волк прикинется кем-то того же ранга. Например, Волк с зелёными клинками идеально подойдёт.

Чжун Цай не слишком хорошо знал этот вид и уточнил:

— Они похожи повадками?

— Могут быть похожи, — загадочно ответил Шаоцянь.

Чжун Цай вопросительно вскинул бровь.

— Всё дело в особенностях Серебряного волка, разъедающего кости, — пояснил У Шаоцянь.

Звери рангом ниже седьмого обычно получают свои названия от мастеров, которые их первыми открыли. Имена тех, кто выше седьмого ранга, рождаются сами по себе и постепенно уходят в народ.

Зеленокрылый рух назван так за свой окрас и широкие крылья. Волк с зелёными клинками тоже имеет лазурную шкуру, но его главная черта — невероятно острые когти.

Серебряный волк, разъедающий кости, обладает родословной шестого ранга. «Серебряный» — это его природный цвет, а «разъедающий кости» имеет два значения. Во-первых, он обожает грызть кости. Во-вторых, ценой собственной эссенции крови он может выдыхать смертоносный яд, который разъедает плоть и кости врага до основания.

Поглощая кости в огромных количествах, этот волк впитывает их эссенцию, закаляя своё тело. Поэтому по физической мощи он один из лучших среди сверстников, а его когти и зубы становятся острыми, как лучшие клинки.

Ядовитый выдох — его козырная карта, тайная техника родословной. После её использования зверь теряет много сил, и если не восполнить их вовремя, он будет крайне слаб. Но в момент смертельной опасности это спасает жизнь. При недостатке эссенции крови Серебряный волк, разъедающий кости, способен уничтожить противника, стоящего на целую ступень выше него.

Когти новорождённого волка ничем не уступят когтям Волка с зелёными клинками того же возраста. Если малыш не будет попадать в переделки, где придётся использовать яд, всё, что увидят посторонние — это феноменальная скорость, пугающая мощь тела и невероятно острые зубы. Обычный Волк с зелёными клинками не обладает никакими иными талантами.

Так что если малыш будет вести себя осторожно в присутствии людей, никто не заподозрит подвоха.

— А-Цай, основная задача ляжет на тебя, — поддразнил его У Шаоцянь. — Твой травяной сок должен быть стойким к воде, лекарствам и всяким магическим штукам, чтобы шкура не сменила цвет в самый неподходящий момент. И никакого запаха, иначе нас мигом раскусят. Ещё подумай, как сделать так, чтобы краска держалась подольше и как обновлять её незаметно. Если он «полиняет» на глазах у чужаков, оправдаться будет непросто.

От одной мысли о таких сложностях голова шла кругом. Подделка — она и есть подделка, лёгких путей тут не бывает. Чжун Цай приуныл. Одно дело — общие планы, и совсем другое — когда тебе по полочкам раскладывают все будущие проблемы. Тем более что все составы, которые он знал, имели свои изъяны.

У Шаоцянь ободряюще похлопал его по плечу:

— Если с краской не выйдет, всегда можно сказать, что это Серебряный духовный волк пятого ранга. Пятый ранг — это, конечно, больше хлопот, чем четвертый, но ты же алхимик, в крайнем случае сможешь его прикрыть.

Чжун Цай нахмурился:

— Серебряный духовный волк слишком сильно притягивает взгляды...

Чжун Цай знал об этом виде не понаслышке. Однажды в торговой гильдии «Тяньсин» он видел шкуру такого волка третьего ранга. Несмотря на достойную родословную, эти звери считались одними из слабейших в своём классе. Их единственным достоинством была ослепительно красивая, сияющая шкура.

И именно это достоинство становилось их проклятием — охотники истребляли их задолго до того, как они успевали достичь пятого ранга. Обычно мастера стараются не убивать драгоценных зверей, ведь их можно приручить. Звери умны, преданы и живут очень долго, становясь верными помощниками на многие поколения.

Но Серебряный духовный волк в молодости умеет только быстро бегать. Лишь к четвертому рангу он открывает свою единственную боевую технику — его шкура начинает сиять так ярко, что ослепляет врага. Как скакун он тоже никудашен: на большой скорости его шерсть раскаляется так сильно, что наездник просто не может усидеть в седле.

Держать его как питомца для красоты? Эти волки на редкость строптивы и прожорливы, а их прокорм стоит баснословных денег. В итоге богачи, ценящие роскошь, предпочитали просто покупать их шкуры для украшения домов и пошива мантий. Охотникам было проще поставить ловушку на неопытного зверя первого-второго ранга, чем пытаться поймать его живым.

Раздобыть же щенка или плод было почти невозможно. Взрослые волки четвертого ранга и выше охраняют потомство с яростью обреченных, и любой, кто сунется в их логово, сначала ослепнет, а потом будет разорван в клочья.

Если наш волчонок прикинется духовным волком, поначалу проблем не будет — бегаёт он быстро. Но Чжун Цай не хотел лишнего шума. Сразу поползут слухи:

— Алхимику Чжуну невероятно повезло найти щенка или плод духовного волка в лесу!

Такой товар в лавках — дефицит. Если он и появляется, то уходит по предзаказам за такие деньги, которые алхимику первого ранга и не снились. Значит, нашёл сам — а это уже «великая удача», вызывающая зависть.

— Алхимику Чжуну повезло встретить такого послушного зверя!

Многие великие кланы годами пытаются вывести покорную особь, и не всегда успешно. К тому же такой красавец невольно заставляет людей приглядываться: а хватает ли у алхимика средств, чтобы прокормить такого дорогого питомца?

Чжун Цай опасался главного: серьёзные мастера не позарятся на декоративного волка, но вот наглые хлыщи, привыкшие сорить деньгами и кичиться роскошью, вполне могут захотеть прибрать его к рукам. И такие люди плевать хотели на репутацию алхимика первого ранга.

Конечно, слова Шаоцяня о том, что они «могут прикрыть», не были пустой бравадой. Можно было попросить защиты у семьи У или их Прародителя — но тогда Цаю пришлось бы либо раскрыть свои истинные таланты, либо отдать рецепт Пилюли Продления Жизни. Или и то, и другое. Они оба понимали: семья У пошевелит пальцем только в обмен на огромную выгоду.

Был и другой путь — найти покровителей в гильдии алхимиков, но для этого опять же пришлось бы заявить о себе во весь голос. Чжун Цай не любил оба варианта. О семье У и говорить нечего — он до сих пор не простил им холодного равнодушия к другу и не желал иметь с ними ничего общего. Что же касается гильдии... ни он, ни Шаоцянь не знали, какая там обстановка и кому можно доверять. В их мире лишнее слово порой стоит жизни.

У Шаоцянь понимающе похлопал друга по плечу. Немного подумав, он предложил:

— Ты говорил, что в наследии больше тысячи рецептов первого ранга. Раньше ты изучал только избранные, а обычные просматривал вскользь. Забудь про соки, поищи среди них — вдруг найдётся подходящая пилюля?

Глаза Чжун Цая азартно сверкнули:

— Точно! Среди избранных были рецепты для смены облика людей, но для зверей... Погоди, в обычных списках мне что-то такое попадалось!

Шаоцянь улыбнулся и, видя, что друг уже готов провалиться в медитацию, усадил его на место.

— Ищи спокойно, время есть. Пока он подрастёт, пока начнёт охотиться — мы что-нибудь придумаем. Я ещё нарисую несколько Талисманов Рассеивания Дыхания, они скроют истинную ауру зверя от лишних глаз. Если у твоих снадобий будет запах, талисманы помогут его замаскировать.

Чжун Цай расплылся в улыбке:

— А ты соображаешь!

У Шаоцянь гордо вскинул бровь:

— А то!

Чжун Цай скорчил ему рожицу, закрыл глаза и погрузился в изучение наследия. Шаоцянь замер рядом, оберегая его покой. Вскоре Би Цэнь и Цяо Хун приготовили обед, но, увидев медитирующего хозяина, не решились подойти. У Шаоцянь безмолвно махнул им рукой, и они ушли в дом.

Прошло больше часа. Чжун Цай открыл глаза, и в его взгляде читалось торжество.

— Нашёл? — улыбнулся Шаоцянь.

Цай таинственно поднял два пальца.

— Аж два варианта? — хмыкнул друг.

— Именно! — алхимик сиял от счастья. На этом вопрос с маскировкой волчонка был решён.

После того как Чжун Цай одолел такую сложную задачу, как Пилюля Питания Души, изготовление других снадобий первого ранга стало казаться ему детской забавой. Раньше обилие рецептов вызывало у него головную боль — многие описания были путанными, приходилось часами вникать в суть. Но теперь всё изменилось.

Стоило его мысли коснуться рецепта, как понимание приходило мгновенно. Он мог пролистывать списки с невероятной скоростью, отбрасывая ненужное. Среди обычных рецептов нашлось больше десятка составов для зверей, и пять из них — для изменения облика. Выбрав два лучших, Чжун Цай обнаружил, что у него есть все необходимые травы.

Сам процесс варки прошёл на удивление гладко. Если раньше на одну партию уходило пять-шесть дней, то теперь он чувствовал каждый нюанс, каждый момент, когда нужно добавить ингредиент. Спустя всего четыре часа первая порция была готова! Рождение новой пилюли за полдня — это было неслыханно.

Чжун Цай открыл крышку котла и в изумлении уставился на восемь аккуратных шариков. У Шаоцянь, который всё это время был рядом, тоже не скрывал удивления. Он подошёл и положил руку на плечо друга:

— Поздравляю. Твоё мастерство выросло на глазах.

Чжун Цай наконец пришёл в себя и ткнул пальцем в сторону котла:

— Это правда они? Неужели какой-то компонент вызвал галлюцинации, и мне всё это чудится?

У Шаоцяннь не выдержал и расхохотался. Не дожидаясь ответа, он запустил руку в котёл и выложил восемь пилюль прямо перед носом Цая. Тот потрогал их, и выражение его лица сменилось с недоверия на чистый восторг.

— Старина У, скажи, я ведь крут? — вопил он на весь двор.

— Ты — самый лучший! — честно ответил Шаоцяннь.

Первый успех окрылил Чжун Цая. Это снадобье называлось Пилюля Иного Тела и предназначалось исключительно для зверей. Проглотив её, животное могло по собственному желанию изменить форму тела или цвет шерсти. Свирепые звери лишены разума, поэтому их превращения непредсказуемы — они либо остаются прежними, либо превращаются в нечто невообразимое. Но для драгоценных зверей, наделённых интеллектом, эффект был идеальным.

Длительность действия зависела от качества: от низшего ранга до небесного, пилюля могла сохранять эффект один день, три дня, десять дней или целый месяц. И хотя примеси в низкосортных пилюлях могли быть вредны, для волчонка это не было проблемой — он постоянно закалял тело, избавляясь от всего лишнего. Из восьми штук пять оказались низшего ранга, а три — среднего. Но Чжун Цай решил не останавливаться на достигнутом. Ему нужно было небесное качество, ведь для зверя второй ступени действие пилюли первого ранга сокращалось вдвое.

На следующий день он взялся за Пилюлю Иллюзорной Формы. Она работала только на драгоценных зверях: пилюлю растворяли в воде, добавляли каплю крови того зверя, в которого хотели превратиться, и давали выпить. Никакой фантазии не требовалось — облик менялся сам собой.

Раньше Чжун Цай слепо следовал рецептам, но теперь он видел связи между техниками. Эти два состава явно были созданы одним мастером или принадлежали одной школе — их методы были схожи. Вторую пилюлю он сварил ещё быстрее: всего пять неудачных попыток, и в шестой раз он получил восемь отличных штук. Он даже заметил, что некоторые приёмы здесь перекликаются с Пилюлей Предельного Ян... Неужели всё это ветви одного дерева?

— Старина У, ну скажи, я ведь гений? — снова допытывался Цай.

— Разумеется! — Шаоцянь не скупился на похвалу, видя, как друг горит своим делом.

Вдохновлённый Чжун Цай продолжал совершенствоваться, и вскоре в каждой партии у него было по двенадцать безупречных пилюль. И каждый раз У Шаоцянь находил новые слова, чтобы восхититься его талантом.

Тем временем Сунь Лю, разобравшись с делами охотничьего отряда, поняла, что пора отправляться в путь. Трое суток на дороге, ещё ночь на отдых — и как раз вовремя. Она вздохнула и, прихватив приготовленные подарки, пошла прощаться с названным отцом.

Уезжать просто так было нельзя. Она сказала Сунь Ху, что отряд сильно вырос и нужно показать новичкам мощь их организации, а стариков — наградить ресурсами для укрепления верности. Поэтому она берет нескольких людей и едет в Фэньюнь закупать лекарства. В их городке ассортимент был скудным, а ценные снадобья разлетались мгновенно.

Сунь Ху, видя, что дела налажены, не заподозрил неладного. Он лишь выделил в сопровождение старого проверенного бойца на пике Сферы Небесного Притяжения, чтобы тот присмотрел за дочерью. Сунь Лю не стала отказываться. Пока она будет встречаться с племянником, остальные охотники под присмотром дяди смогут спокойно обойти лавки — вдруг и впрямь попадётся что-то стоящее.

Сунь Лю во главе небольшого отряда, оседлав рогатых тигров, медленно выехала за ворота. Тигры были лишь первой ступени, но выглядели внушительно и считались одними из лучших ездовых животных своего ранга. Почти все в «Западном тигре» предпочитали их — это было их визитной карточкой, так же как «Золотой леопард» щеголял на пятнистых хищниках.

Суровые охотники, от которых за версту несло силой и опасностью, представляли собой грозное зрелище. Прохожие невольно провожали их взглядами. «Западный тигр» теперь был единственной властью в городке, и многие мечтали пристроить туда своих детей.

У одной из уличных лавок стоял невзрачный юноша в пыльной одежде, только что вернувшийся с гор. Это был Цзи Бопин. Бросив на прилавок несколько монет, он завязал разговор с приказчиком:

— Говоришь, «Золотого леопарда» больше нет?

— Слухами земля полнится, — зашептал тот, опасливо оглядываясь. — Налетели какие-то

сильные люди и мигом всех... — он сделал характерный жест по горлу. — Кто-то погиб, остальные разбежались, логово разорено. Всё добро теперь «Западному тигру» досталось! Нам-то оно только на пользу, тигры народ честный. Если бы не их глава, что вечно с травмами мучился, «леопарды» бы и пикнуть не посмели. А теперь в городке тишь да гладь. Если дело какое — сразу к тиграм идите, не прогадаете. Вы, никак, к «леопардам» собирались? Так знайте — всё, что те могли, «Западный тигр» сделает в сто крат лучше!

Юноша понимающе кивнул:

— Спасибо за совет, так и поступлю.

Приказчик, довольный, вернулся к делам.

Цзи Бопин был не на шутку встревожен. Горные хребты необъятны, и пещеру со столетним молоком он искал почти месяц — безрезультатно. Зато набил руку в боях с дикими зверями и добыл немало ценных трофеев. Он уже начал отчаиваться и решил сменить тактику.

В книге главный герой нашёл пещеру случайно: он наткнулся на сокровище, на которое позарились люди из отряда «Золотой леопард». Ударяя от них, он забился в какую-то щель и почувствовал холод, исходящий из глубины — так и открылся тайник. Бопин решил, что раз сам найти не может, нужно использовать «леопардов» как гончих.

Но он опоздал. «Золотой леопард» канул в лету раньше срока. В книге они процветали ещё несколько лет, терроризируя округу, а теперь исчезли, раздавленные неведомой силой.

«Сюжет меняется, — лихорадочно думал Бопин. — Неужели я здесь не один такой?»

Прошло ещё три дня.

Чжун Цай умело управлял древесным пламенем, аромат из котла становился всё гуще, и вскоре очередная партия была готова. Несмотря на короткий срок, алхимик уже всюю штамповал небесные пилюли. Он довёл мастерство до такого автоматизма, что мог бы варить их с закрытыми глазами. Эти два состава стали его визитной карточкой.

Он продолжал работать, желая создать запас — с тех пор как он встал к котлу, его преследовал страх остаться без нужных лекарств в самый ответственный момент. В котле что-то звякнуло. Цай небрежно зачерпнул горсть готовых шариков:

— Четыре небесного ранга, восемь высшего качества.

У Шаоцянь вовремя подставил ларец. Цай привычно ссыпал туда добычу и тут же забросил в пламя новую порцию трав.

Лишь когда запас небесных пилюль перевалил за две сотни, Чжун Цай позволил себе отдых. Друзья вынесли кресла во двор и уселись рядом, наслаждаясь лунным светом.

— Завтра встреча с тётёй, — нарушил тишину Цай. — Как думаешь, стоит мне что-нибудь ей подарить?

Шаоцянь посмотрел на него с сомнением.

— Чего ты на меня так смотришь? — фыркнул Цай. — Будто сам великий знаток этикета.

У Шаоцянь невольно рассмеялся. Чего греха таить — в делах семейных оба были профанами. Чжун Цай умел ладить с отцом, держать на расстоянии мачеху, но как вести себя с искренним и заботливым родственником — не знал.

У Шаоцяня и вовсе не было такого опыта. В зените славы все родственники заискивали перед ним, а после падения... он видел только Чжун Цая.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил Шаоцянь.

— Может, испечь каких-нибудь изысканных сладостей? — неуверенно предложил Цай.

— Сладостей? Предводительнице суровых охотников? — Шаоцянь скептически вскинул бровь.

Друзья переглянулись. Судя по рассказам, Сунь Лю годами жила в крови и опасностях, вряд ли её можно было разжалобить пирожными. Может, редкое мясо? Так они в ресторане встречаются.

— Давай просто пойдём, — предложил Шаоцянь. — А если всё пройдёт хорошо и вы решите общаться дальше — подаришь ей пилюли.

Чжун Цай замер.

— Ты ведь теперь алхимик, — продолжал Шаоцянь. — Они об этом не знают. «Западный тигр» — это твоя родня, и если отношения сложатся, ты мог бы доверить им сбыт своих снадобий.

— А ведь и верно! — просиял Цай.

Он не хотел давать ничего семье У, потому что презирал их за подлость. Но те, кто присылал ему золото, когда считали его низшим рангом — другое дело. Лазурный мечник хорош для редких дел, но продавать через него горы обычных снадобий... несолидно для марионетки четвертого ранга. А если отдать это охотникам, те быстро окрепнут, и деду больше не придётся рисковать жизнью в глухих лесах. К тому же сейчас «Западный тигр» расширяется, и контроль над рынком лекарств станет для них великим подспорьем.

В восторге Чжун Цай набросился на друга, ероша его волосы:

— Старина У, ты просто кладезь мудрости!

Шаоцянь, не успев уклониться, оказался с копной спутанных волос. Но он не остался в долгу — зажал ноги Цая своими и в ответ принялся лохматить его причёску.

— Эй! Ты мне все волосы вырвешь! — возмущался алхимик.

— О своих пекись, мои-то на месте, — невозмутимо отозвался Шаоцянь.

— А мои по-твоему куда делись?! — вопил Цай.

Шаоцянь хитро прищурился, вытянул один волосок со своего плеча и картинно вздохнул:

— Вот, ты выдрал.

Чжун Цай, не растерявшись, предъявил ему свой «трофей»:

— А это — ты...

Они замерли, глядя друг на друга, и одновременно отвернулись. От такой слаженности действий становилось не по себе. Чжун Цай вернулся в своё кресло.

— А-Цай, глянь на наших крох, — тихо сказал Шаоцянь.

На толстой ветке старого дерева замер серебристый комочек. Он испуганно жался к коре, боясь пошевелиться. Лазурный птенец кружил рядом, не сводя с него глаз. Наконец серебряный клубочек набрался смелости и медленно пополз вперёд. Добравшись до развилки, он резко прыгнул, стремясь к соседней ветви.

Но в последний миг лапа соскользнула, и волчонок мешком полетел вниз. Сяо Цинъюй мгновенно спикировал и ловко подхватил его за шкурку. Малыш беспомощно повис, тяжело дыша, но зная — брат его не уронит. Птенец вернул его на место и снова замер в ожидании. Волчонок, переведя дух, приготовился к новой попытке.

— Цин Хуэй молодец, борется со страхом, — улыбнулся Чжун Цай. — И Сяо Цинъюй ведёт себя как настоящий старший брат.

— Оба хороши, — согласился Шаоцянь. — Не зря ты ночи напролёт у котла проводил.

Неловкость между ними исчезла. Вдруг У Шаоцянь вспомнил:

— Ты ведь так и не дал ему имени?

— И впрямь, забыл, — спохватился Цай.

— Поспеши, а то он обидится, когда поймёт, что он единственный безымянный в доме, — рассмеялся Шаоцянь.

— Пусть будет Цин Хуэй. Всё равно ему под Волка с зелёными клинками маскироваться, а «Хуэй» — это сияние. По-моему, идеально.

Утро следующего дня началось рано. У Шаоцянь указал на новый наряд, аккуратно разложенный на кровати.

— Би Цэнь постарался. Ну как тебе?

Чжун Цай замер от неожиданности:

— Это ты его попросил? Когда успел? Небось все свои заначки на него потратил?

Шаоцянь тепло улыбнулся:

— Ты так нервничал из-за этой встречи, что я решил — тебе нужно что-то новое, особенное. Чтобы ты чувствовал себя увереннее. Так что всё это из тех денег, что ты мне даёшь. Своих-то у меня нет, — шутливо добавил он.